

УДК 821.512.122-31Бориз
<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2026-1-21-30>
 Оригинальная научная статья

Особенности репрезентации национального образа мира в романе «По степи шагал верблюд» Йаны Бориз

Д. Ю. Сырысева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН),
 г. Москва, Российская Федерация
 ✉ syryseva97@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности репрезентации национального образа мира в романе «По степи шагал верблюд» (2023 г.) современной русскоязычной писательницы из Казахстана Йаны Бориз. Новизна исследования обусловлена необходимостью рассмотрения текстов транслингвальных авторов, в данном случае русскоязычной казахской писательницы, также введением их в широкий научно-исследовательский оборот и контекст. В основе рассмотрения констант Космо-Психо-Логоса кочевника лежат методологические разработки философа, литературоведа Георгия Гачева, посвященные мифу и национальному сознанию. Материалом исследования стал роман «По степи шагал верблюд» Йаны Бориз, в котором можно видеть реализацию и воплощение констант мироощущения кочевника. Рассматривается сложная художественная структура романа, тяготеющего к семейной саге (повествование охватывает несколько поколений семьи на протяжении конца XIX – первой половины XX вв.), в которой на уровне макропоэтики реализуются как западная (линейное построение), так и восточная (тяготение к циклизации, повторы, ритмика фраз) стилистическая образность. На уровне микропоэтики анализируются значимые для построения мира кочевых народов образы (степь, верблюд, мазар, коктал), также лейтмотивная организация (мотив путешествия в караване). Делаются выводы о том, что писательница обращается к мифологическим компонентам, что расширяет возможности реалистической манеры повествования, ряд приемов и средств художественной выразительности (субъективизация, соотнесения героя романа с мифологическим, сказочным персонажем), способствует характеристике как континуума макроистории, так и континуума микроистории, а также внутреннего мира героев. Практическая значимость состоит в возможности применения его результатов при анализе поэтики национальных литератур, при разработке учебных курсов по современному литературному процессу.

Ключевые слова: хронотоп, Космо-Психо-Логос, миф, реализм, Йана Бориз, Георгий Гачев, проза, поэтика, русскоязычная литература, Казахстан

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Сырысева Д. Ю. Особенности репрезентации национального образа мира в романе «По степи шагал верблюд» Йаны Бориз. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2026, № 1 (21). С. 21–30. DOI: 10.25587/2782-6635-2026-1-21-30

Original article

Features of representation of the national image of the world in the novel “A camel walked across the steppe” by Yana Boriz

Diana Yu. Syryseva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ syryseva97@mail.ru

Abstract

This article examines the representation of the national image of the world in the novel "A Camel Walked Across the Steppe" (2023) by Yana Boriz, a contemporary Russian-language writer from Kazakhstan. The novelty of this study stems from the need to examine the texts of translingual authors, in this case, a Russian-language Kazakh writer, and to introduce them into a broader scholarly context. This examination of the constants of the nomad's Cosmo-Psycho-Logos draws on the methodological developments of philosopher and literary scholar Georgy Gachev, dedicated to myth and national consciousness. The research material is Yana Boriz's novel "A Camel Walked Across the Steppe," which demonstrates the realization and embodiment of the constants of the nomad's worldview. This article examines the complex artistic structure of the novel, which gravitates toward a family saga (the narrative spans several generations of a family spanning the late 19th and first half of the 20th centuries). It utilizes both Western (linear structure) and Eastern (cyclization, repetition, and phrase rhythm) stylistic imagery at the macropoetic level. At the micropoetic level, it analyzes images significant for constructing the world of nomadic peoples (steppe, camel, mazar, koktal), as well as the leitmotif (caravan travel motif). It concludes that the author draws on mythological components, which expands the possibilities of a realistic narrative style. A number of techniques and means of artistic expression (subjectivization, correlating the novel's hero with a mythological or fairytale character) contribute to the characterization of both the continuum of macrohistory and the continuum of microhistory, as well as the inner world of the characters. The practical significance lies in the possibility of applying its results in the analysis of the poetics of national literatures, in the development of educational courses on the modern literary process.

Keywords: chronotope, Cosmo-Psycho-Logos, myth, realism, Yana Boriz, Georgy Gachev, prose, poetry, Russian-language literature, Kazakhstan

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Syryseva D. Yu. Features of representation of the national image of the world in the novel “A camel walked across the steppe” by Yana Boriz. *Issues of national literature*. 2026, No. 1 (21). Pp. 21–30. DOI: 10.25587/2782-6635-2026-1-21-30

Введение

Изучение литературы, создающейся на русском языке, на постсоветском пространстве становится особенно актуальным в наше время, поскольку, с одной стороны, дает возможность для рассмотрения различных стратегий письма, направлений и тенденций, с другой стороны, позволяет ввести в научно-исследовательский оборот имена и произведения, которые по разным причинам оказывались на периферии научных изысканий. Новизна исследования обусловлена необходимостью рассмотрения текстов транслингвальных авторов, в данном случае русскоязычной казахской писательницы, также введением их в широкий научно-исследовательский контекст.

Исследователи выделяют несколько направлений развития литературного процесса в Казахстане, так характеризую группы прозаиков: «русские писатели Казахстана» (И. Одегов, Н. Чернова, В. Гордеев и др.), «русскоязычные (двухязычные) писатели Казахстана» (Д. Накипов, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев и др.), «писатели Казахстана, работающие на родном казахском языке» (А. Егеубай, Р. Муканова, С. Елубай и др.) [1, с. 3]. Отмечалось, что подобное разделение на группы вызвано различными причинами (например, выбор авторской стратегии письма), связано с контекстом бытования литературы – ситуацией мультикультурности [2, 3, 4].

У. Овчеренко указывает, что «основным тематическим направлением прозы стоит признать преломление макроистории сквозь микроисторию, осмысление истории и культурных традиций страны через личностные переживания персонажей» [1, с. 6]. Современные казахстанский роман тяготеет к «метафизичности, философичности и психологизму» [1, 6]. По мнению исследовательницы объединяющими две ветви литературы (русской и русскоязычной) факторами становятся «осмысление истории через судьбы отдельных людей» и «внимание к теме нарушения целостности природы и ее единства с человеком» [1, с. 10].

В одном из интервью современная писательница из Казахстана Йана Бориз пытается охарактеризовать свои романы «По степи шагал верблюд» и «Жирандоль» как приключенческую литературу, подчеркивая, что ее романы не исторические, поскольку «жанрообразующие признаки исторической прозы — это временная отдаленность и завершенность, повествование о значимых исторических событиях, изображение выдающихся исторических лиц и аромат эпохи», а в основе указанных романов «лежат жизнеописания системно незначимых людей, тех, чья воля не стала рулевым истории, что позволяет причислить эти произведения к разряду приключенческой жанровой литературы» [5]. В ее романах можно увидеть сложное взаимоотношения человека и природы (мир кочевников-караванщиков Средней Азии, путешествующих по степи), события мировой истории, влияющие на судьбы героев. Однако интерес представляет репрезентация национального образа мира кочевника, а также мифологическая составляющая романа. Помимо указанных выше романов («По степи шагал верблюд» (2023 г.), «Жирандоль» (2024 г.)) Йана Бориз является автором романа «О чем смеется Персефона» (2025 г.) историко-приключенческой направленности. Роман «Флоренций и прокаженный огонь» (2025 г.), повествующий о детективной деятельности сыщика XIX века Флоренция Листратова, расследующего преступления, имеющие связь с оккультно-эзотерическими практиками, типологически близок к романам Виктора Дашкевича (серия о графе Аверине) и Игоря Евдокимова (серия о Владимире Корсакове). Материалом же данного исследования стал роман «По степи шагал верблюд», в котором можно видеть реализацию и воплощение констант мироощущения кочевника.

Георгий Гачев, чьи работы составляют методологическую основу данного исследования, в своих трудах уделял большое внимание Космо-Психо-Логосу народов Азии, выделяя особый логос кочевника, а также связанные с ним константы бытования того или иного народа. Ученый охарактеризовал так характерную для казаха ситуацию: «тесная орнаментальная переплетенность и не самость каждого по себе, а лишь в отношении к общему центру» [6, с. 88]. В самом пространстве, в котором бытийствует кочевник, «в степи пустынной, песчаной – голее человек и прямее к Небытию» [6, с. 92]. Обращаясь к роману «Конец легенды» Абиша Кекильбаева, Гачев выделяет характерные черты казахского мировосприятия, отраженные в произведении: «романы = думы, по жанру: будто едет человек долгий путь через степи, пустыни, раскачивается в седле — и думу думает, припоминает жизнь; а сейчас ничего совершаться не может — в то время, когда

думает...» [6, с. 93]. А сам «роман казаха строится так, что ведет дума-воспоминание — переоценка и передумывание, а внутри этого, как кочевник народ внутри животного, в его утробе, — и жизнь-живот проходит вереницею своего каравана. Караван жизни внутри каравана дум...» [6, с. 93]. Важными смыслообразами становятся – степь, колодец, ветер, верблюд.

Целью работы является выявление особенностей репрезентации национального образа мира кочевника в романе «По степи шагал верблюд» (2023 г.) современной русскоязычной писательницы из Казахстана Йаны Бориз. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, выделить константы Космо-Психо-Логоса кочевника в работах Георгия Гачева (построение романа; значимые образы); во-вторых, соотнести выделенные константы и черты с поэтикой романа «По степи шагал верблюд» Йаны Бориз; в-третьих, указать особенности репрезентации образа мира в анализируемом произведении. Для реализации цели и задач привлекаются такие методы, наиболее соответствующие избранной тематике и проблематике, как историко-литературный анализ (рассмотрение ситуации бытования русскоязычной литературы в Казахстане), культурно-исторический анализ (рассмотрение мифообразов, мифопоэтических компонентов и констант), социокультурный анализ (рассмотрение идей и представлений, которые бытовали в указанные исторические вехи).

Результаты и обсуждение

Обратимся к роману 2023 года «По степи шагал верблюд» современной писательницы Йаны Бориз, живущей в Казахстане, и постараемся показать, как в этом романе отражается национальный образ мира – Космо-Психо-Логос кочевника. Этот роман можно назвать семейной сагой, в которой рассказывается о нескольких поколениях семьи с 1890-х по 1940-е годы. События, так или иначе связанные с конкретными представителями семьи (с китайцем-караванщиком Чжоу Фаном, его сыном Евгением и внуком Артемом), показываются в тесной взаимосвязи с историческим контекстом (Февральская революция, революция в Китае, эмигрантское движение, борьба с басмачами в степи, Великая Отечественная война). Сюжетные линии романа сложно пересекаются, переплетаются, вызывая ассоциации как с орнаментальной восточной образностью, так и с приемами кинематографии (параллельный и ассоциативный монтаж).

Композиционная структура романа состоит из 3 частей. В первой части рассказывается о событиях, связанных с деятельностью караванщика Чжоу Фана, во второй и третьей части – о событиях в жизни его сына и внука. Роман как будто прошивается ритмикой фраз, несущих особый смысл. Первая фраза романа («Если не будешь закрывать за собой двери, они перестанут перед тобой открываться» [7, с. 7]), почти пословица, сказанная караван-баши Сабыргазы молодому Чжоу Фану, повторится в романе еще раз, ее скажет в Польше во время диверсий Второй мировой войны Стефан Артему, внуку Чжоу Фана, но несколько иначе: «Если пан не будет закрывать за собой двери, то они перестанут перед паном открываться» [7, с. 410]. Чжоу Фан, которому уже исполнится 50 лет, будет твердо знать, что «выходишь на дорогу, а оказываешься на перепутье жизни, ищешь за поворотом колодец, а находишь судьбу» [7, с. 161]. Позднее, его внук Артем, оказавшись дома после тяжелого ранения в Польше и глубоко переживая смерть своей возлюбленной Эдит, будет размышлять, что так «получается,ходишь на дорогу, а оказываешься на перепутье жизни. Ищешь за поворотом колодец, а находишь судьбу» [7, с. 464]. Особые восточные пословицы задают определенный ритм, течение повествования, связывают различные пространственно-временные континуумы (степь и Польша, караванщики и тепло родного дома) в единое целое.

Восточная образность казахского Космо-Психо-Логоса связывается в романе с определенными местами. В начале романа Сабыргазы и Чжоу Фан оказываются в стенах древнего мазара – мавзолея для почитания предков. Караванщики выходят «из мрачного склепа, срубленного из пяти разновеликих куполов. Вокруг под охраной обветренных, сглаженных временем камней спали древние плиты капища», «здесь похоронили целую династию» [7, с. 7]. В мазаре «кое-где еще удавалось различить резьбу, а в стрельчатых проемах даже сохранились кусочки мозаики», «несуразное в итоге получилось строение, но дивное, рядом с таким человеческая жизнь казалась с песчинку, а мысли, напротив, обретали вес и плотность» [7, с. 8]. Во время преследования басмачей во время Гражданской войны Евгений оказывается также рядом с мазаром, испытывает схожие чувства, что и отец: «Несуразное строение, но дивное: просторный центральный склеп и со сторон от него цветочком – повыше и пониже, восьмиугольные, овальные, квадратные, сложенные из разных пород» [7, с. 295]. При этом этот мазар как «почерк древности» [7, с. 295]. Произведения архитектурного искусства страдает от обстрелов: «Затейливая арабская вязь по верхнему краю полностью утратила свою плавную певучесть, шерилась острыми краями. Священные буквы Корана сыпались ранеными и убитыми птицами со своего векового пьедестала. Кусочки слюды, вставленные в геометрическом порядке, облетали, как капли утренней росы. Через час было трудно узнать надгробие, избитое и изгаженное ненавистью» [7, с. 296]. Если Чжоу Фан, сам того не зная, пытается использовать древний памятник как склад для контрабанды, а преступники басмачи как укрытие, то внук Чжоу Фана Артем пытается вместе со своей возлюбленной Эдит восстановить вместе с аксакалами древний памятник. В восприятии Артема он становится «грозным сторожем» [7, с. 406]. Мазар становится символом культуры, сохраняющим преемственность поколений и историческую память казахского народа.

В степи по пути каравана «на стоянках широколицые казахские апашки подносили кумыс и шубат, заботливо спрашивали о чем-то на своем мягком языке, возносили взгляды к небу – наверное, молились за путешественников» [7, с. 169]. Во время посиделок у костра погонщики готовят особое блюдо – коктал – «изобретение древних кочевников» [7, с. 256]. В романе приводится рецепт приготовления блюда: «Крупную рыбину потрошат, но не чистят. Внутрь кладут душистые приправы и дикий лук, сверху обмазывают глиной и закапывают бесформенные кулики под подгоревшие угли. Дремлющий костер отдает им неспешный ровный жар, рыба, запаянная запекшейся глиной, доходит в собственном соку, наливается прелым ароматом трав» [7, с. 256-257]. Степь как будто меняет образ человека, заставляет его более тонко чувствовать окружающий ландшафт, природу, обостряет восприятие или же превращает в подобие демона («Если бы не стук копыт, далеко разносящийся по спящей степи, то и невдомек – человек или демон» [7, с. 276]). Особое чувство, которое вызывает у героев романа степь, некая зыбкость ощущений и восприятий того, что находится в пространстве степи, становится своеобразным маркером дихотомии Свой-Чужой, заложенной в русской языковой картине мира [8].

Место стоянки каравана одухотворяется: «Неуклюжий рассвет разлил над зеркалом Балхаша блюдо с малиновым киселем, и озеро обиженно раздурманилось, зарделось, пока холодные воды не смыли радужные разводы с поверхности» [7, с. 11]. Река Иртыш – «могучий, седой Иртыш», которому «вообще нет дела до человеческих судеб» [7, с. 18]. Если степь (стихия земли) в романе представляется как живая, связанная с человеком, то стихия воды представлена, напротив, как далекая, холодная и равнодушная. Более того, в воде могут обитать духи, существа, встреча с которыми может быть опасна для человека. Девушка Айсулу,

наблюдая за водой в реке Аягуз, думает, что «толстая бело-голубая крыша накрывает речку на долгие пять месяцев, не позволяя подглядывать, что творится в дворце албасты», а «сонные пери справляют там свадьбы, отгородившись ледяными стенами от докучливых людей, или собираются на совет души утопленников и строят козни пережившим их врагам» [7, с. 277].

В романе по-разному представлена мифологическая составляющая. Георгий Гачев так характеризовал отношения между реалистической действительностью и мифом: «Иррациональной представшая действительность если чем и берется, заклинается и организуется, то Мифом: он способен ее обуздать (и в душе человека: справиться с прорвой и бездной поползновений рассыпчатых, собрать его «я» воедино; а снаружи — направить течение событий в Историю в данный ее момент) и снабдить нас неким Пониманием, но не Знанием (на что претендует Наука). Миф, таким образом, не прошлое, а вечная форма в Духе, постоянно действует и творится — в том числе и в нашем веке» [9, с. 58].

В пространстве степи, как показано в романе, возможны самые разные встречи. Йана Бориз изображает отношения между народами, оказавшимися в этом пространстве кочевья (русскими, китайцами, казахами, киргизами, узбеками, уйгурами), обращаясь к мифам и преданиям тех или иных народов. Подтверждение рассуждений Георгия Гачева можно найти на страницах романа: именно миф о первом человеке Паньгу в китайской мифологии помогает Чжоу Фану понять окружающую действительность, которая из-за болезни представляется ему расплывчатой и непонятной. Он соотносит себя с персонажем мифологии, который из темноты, мрака, хаоса первотворения возвращается в мир света и создает его заново, поскольку «Паньгу не кто иной, как сам Чжоу Фан» [7, с. 56]. Процесс создания мира предельно субъективизируется, благодаря особому ракурсу восприятия окружающей действительности героя: «Вот он какой замечательный, лопоухий караванщик Чжоу Фан, — обьял весь мир любовью и заботой. Однако все, что надлежит, уже исполнено, пора и умирать» [7, с. 56]. Караванщик воспроизводит один из основных мифов китайского космогенеза, уподобляя себя Паньгу, растворяясь в мироздании, полностью погружаясь в природный универсум: «Великан попытался заговорить, и голос стал громом, левый глаз — солнцем, правый глаз — луной. Руки и ноги образовали четыре стороны света, туловище — землю, из крови возникли реки, из вен — дороги, из волос — звезды, растения, деревья, из зубов и костей — металл, из костного мозга — нефрит» [7, с. 56]. Также Чжоу Фан, размышляя о сложностях караванной жизни, думает о непредсказуемости мира, что «злые духи неуклюже играют его судьбой в цзянь-цзы» [7, с. 22]. Когда же чаяния и надежды Чжоу Фана разрушаются (мечта стать богатым купцом, иметь свою лавку), он полагает, что это «и есть легендарное испытание, которое уготовано сильному духом мужу» [7, с. 117]. Герой как будто оказывается в мифе, в сказке, соотнося свою жизнь с жизнями сказочных и мифологических персонажей. На восприятие мира природы Чжоу Фана также влияет мифообразность. Например, в китайской мифологии Луна — женское божество [10]. В восприятии Чжоу Фана Луна уподобляется красавице: «Из-за облака выплыла горделивая луна, уселась на колесницу и поехала, любопытная, заглядывая в чужие окна и души» [7, с. 121]. В свете Луны герою чудится лицемерие, «вечный обман» [7, с. 71], а иногда и сама смерть. Чжоу Фан рассказывает своей жене китайскую притчу про белого коня, согласно которой лучше не торопить события, не горевать, поскольку неведомо, что случится в будущем.

Казашка Айсулу, благодаря своей смелости и решительности, сравнивается с персонажем казахских сказок Ер-Тостиком. Если герой казахского фольклора проходит испытания, преодолевая козни врагов, обретает счастье со своей

возлюбленной Кенжекей, то героиня Йаны Бориз, прожив жизнь в динамичной и часто жестокой атмосфере XX столетия, обретает счастье в кругу семейного очага, принимая происходящее с радостью и любовью. Особенности степного климата также объясняются сказочной образностью: «Казалось, что злой волшебник сгонял жар к озеру вельможным опахалом, чтобы окунуть в тепловатую мутную воду рядом с отарами безропотных овец и табунами терпеливых верблюдов» [7, с. 299].

Йана Бориз также обращается к сравнению героев с персонажами русских народных сказок и героического эпоса. Бригитта, подруга Стефани, морщит нос и становится похожей «на Бабу-Ягу из русских сказок» [7, с. 451]. В далекой лесной глуши живет женщина, спасающая брошенных детей, о которой ходят слухи, что она «то ли травница, то ли Баба-Яга», ее зовут «половецкой шаманкой» и «полесской ведьмой» [7, с. 482]. При этом обе героини (Бригитта и женщина из леса) ведут себя настороженно по отношению к тем, кто обращается к ним за помощью и советом, но помогают. Кузнец Иван Лукич сравнивается с Ильей Муромцем, а казах Казбек – с Соловьем-разбойником. Макроистория в художественной канве романа также мифологизируется. Февральская революция, Февраль, как будто бы антропологизируется: «деловито уселся писать собственный сценарий мировой истории» [7, с. 174]. Евгений, навсегда прощаясь с семьей Шаховских, понимает, что в его душе уже «раздавался печальный звон эмигрантского колокола» [7, с. 247].

Степь манит героев, завлекая особым ритмом, даже обещание чего-то чудесного, приобщением к тайне. Герои (Чжоу Фан, Евгений, Артем) как будто ощущают, слышат «зов большой дороги», испытывая потребность в путешествиях и кочевьях [7, с. 195]. Евгений «с детской наивностью верил в тайные маячки спрятанных сокровищ, о которых знали только степной ветер да престарелый верблюд, и сердился на свою судьбу, что не вылупился из яйца пораньше, когда железные дороги еще не охватили калеными обручами леса и пустыни, не сжали в удушающих объятиях глиняные своды караван-сарая с ароматом саксаула в открытых печах, с запахом мокрой слежавшейся кошмы и мягким перестуком верблюжьих копыт» [7, с. 195].

Особый интерес в романе представляет образ верблюда. Показывается целая династия верблюдов потомков Каракула, «черного раба», вожака каравана. Его дети, встречающиеся караванщикам, – Серенкул и Кызылкул. На его потомке Аккуле, «белом рабе», Артем уезжает вместе со своей возлюбленной в далекую степь. В дороге «человек и верблюд – братья, вместе захлебываются пасмурным небом, вместе глотают игольчатую занозистую пургу, вместе пьют сладкую родниковую воду с запахом неожиданного счастья. Без верблюда нет каравана. Без человека тоже» [7, с. 14]. В казахских сказках окраска верблюда наделяется особым смыслом. Так, в сказке «Ер-Тостик» белая верблюдица Ак-Тос, приводит маленького верблюжонка, после чего Кенжекей понимает, что ее возлюбленный батыр Ер-Тостик скоро вернется. В другой сказке «Три сестры» белый верблюд помогает похоронить отца батыру Кудайбергону, а затем исчезает. Если белый верблюд имеет связь с миром духов, приносит добрые вести или помогает при проведении особых ритуалов и обрядов, то черный верблюд (например, в сказке «Великий Алпамыс») символизирует грозящую опасность. О важности верблюда для организации хозяйственно-бытовой деятельности указывали Сала Р. и Картаева Т. [11]. И.В. Герасимов же отмечал особую, почти сакральную связь человека и верблюда в монгольской и арабских традициях: «длительное взаимодействие верблюда с человеком привело к тому, что его начали наделять свойствами, близкими к миру людей, считая его, очевидно, одним из членов родовой группы,

семьи, племени» [12, с. 109]. Легенды, истории, которые так или иначе связаны с верблюдом, распространены по всей Центральной Азии [13].

У девочки Даши любимая игрушка «войлочный верблюжонок», «славная игрушка», «горбы стояли упругими горками, набитые не ватой, а настоящей шерстью, сам зверь темно-палевый, а попона сверху ярко-красная, с бахромой, для нее пригодились обрезки от праздничного детсадовского платья и бантики» [7, с. 500]. Игрушка как будто оживает, это старое животное, которое много дорог и путей прошло за свою жизнь, поэтому оно лежит, «пусть отдохнет» [7, с. 500]. Верблюд становится воплощением вечного странствия как по дорогам степи и пустыни, так и по дорогам судьбы и жизни, связывается с особым теплом и домашним уютом.

Чжоу Фан, рассматривая герб города Петропавловска в Тобольской губернии, отмечает уважение к караванщикам, что находит свое выражение в гербе города («На верхней половине – тобольский герб, а на нижней, именуемой серебряной, – коротконогий верблюд, навьюченный двумя тюками наперевес и ведомый в поводу неказистым азиатом в беспоясном чапане и киргизской шапке, точь-в-точь как подаренная бедолагой Идрисом» [7, с. 24]). Евгений, рассматривая этюд с верблюдом, созданный Дарьей Львовной, думает о том, что этюд говорит многое о нем самом, проникая в его душу («я такой же: смотрю, как бы убежать подальше» [7, с. 234]). Экфрастическая поэтика, которая вводится в роман благодаря графическим образам (герб, этюд), подчеркивает чаяния, душевными переживаниями героев. Они всматриваются в объекты, в которых фигурирует изображение верблюда, значимого для караванщиков и кочевников.

Заключение

Можно заметить, что в романе Йаны Бориз национальный образ мира кочевника показывается по-разному. С одной стороны, в композиционной структуре содержатся элементы восточной образности (ритмика фраз). Показывается дихотомия вертикали-горизонтали (глубина колодца – простор степи), внешнего – внутреннего. С другой стороны, в романе используется ряд образов и мотивов (верблюд, степь, колодец, духи), также особых мест (мазар, река), вводятся особенности национальной кухни (коктал), представления о небесных светилах (Луна), стихиях воды и земли, характерных для национальных культур. Мифологическая составляющая, присутствующая в художественной канве романа, усложняет реалистическую поэтику произведения, вводится с помощью определенных приемов (субъективизация, соотнесения героя романа с мифологическим, сказочным персонажем), способствует характеристике как макроистории, так и внутреннего мира героев.

Л и т е р а т у р а

1. Овчеренко У. Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития: Дис. ... канд. филол. наук. Москва: 2021:148.
2. Овчеренко У.Н., Монисова И.В. Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2020;25(2):234-246. doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246
3. Кривошапова Т.В. Русская и русскоязычная литература в Казахстане в аспекте ментальности. В кн.: *Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы Второй междунар. конференции*. Барнаул: Алтайская гос. пед. акад., 2013:50-58.
4. Кривошапова Т.В. Русская литература Казахстана последних десятилетий. В кн.: *Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: сборник материалов Международного научного конгресса. Часть III*. Москва: Министерство науки и высшего

образования Российской Федерации; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021:217-220.

5. Новое имя приключенческой прозы — Йана Бориз. URL: <https://stroki.mts.ru/articles/novoe-imya-priklyuchencheskoi-prozi--iana-boriz-1347> (дата обращения: 17.07.2024).

6. Гачев Г. *Национальные образы мира. Цивилизации Центральной Азии: (Интеллектуальные путешествия)*. Москва: Академический проект; 2020:784.

7. Бориз Й. *По степи шагал верблюд*. Москва: Клевер-Медиа-Групп; 2023:542.

8. Бардамова Е.А. *Фрагменты русской концептосферы*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского университета; 2019:172.

9. Гачев Г.Д. *Образы Божества в культуре: Национальные варианты*. Москва: Культура: Академический проект; 2016:891.

10. Тао Тао Лю. *Китайские мифы от царя обезьян и нефритового императора до небесных драконов и духов стихий*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2024:224.

11. Сала Р., Картаева Т. Образ и культ верблюда в быту казахов. *Вестник КазНУ: Серия историческая*. 2018;90(3):30-41. doi.org/10.26577/JH-2018-3-261

12. Герасимов И.В. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях. В кн.: *Mongolica-IX: Сборник статей*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; 2010:109-116.

13. Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии. В кн.: *Этнография народов Сибири*. Новосибирск: Наука; 1984:69-76.

References

1. Ovcherenko U.V. Modern Russian-language prose in Kazakhstan: main trends. Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 2021:148 (in Russian).

2. Ovcherenko U.V., Monisova I.V. Russian and Russian speaking prose in the situation of multiculturalism: experience of Kazakhstan. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2020;25(2):234-246 (in Russian) doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246

3. Krivoshchapova T.V. Russian and Russian-language literature in Kazakhstan in the aspect of mentality. In: *Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration: materials of the Second international. conference*. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy; 2013:50-58 (in Russian).

4. Krivoshchapova T.V. Russian Literature of Kazakhstan in Recent Decades. In: *Russian Language in the Global Scientific and Educational Space: Collection of Materials of the International Scientific Congress. Part III*. Moscow: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2021:217-220 (in Russian).

5. A New Name for Adventure Prose: Yana Boriz. Available at: <https://stroki.mts.ru/articles/novoe-imya-priklyuchencheskoi-prozi--iana-boriz-1347> (accessed: January 10, 2026) (in Russian).

6. Gachev G. *National images of the world. civilizations of Central Asia: (intellectual journeys)*. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2020:784 (in Russian).

7. Boris J. *A camel walked across the steppe*. Moscow: Clever-Media-Group; 2023:542 (in Russian).

8. Bardamova E.A. *Fragments of the Russian conceptual sphere*. Ulan-Ude: Buryat University Publishing House; 2019:172 (in Russian).

9. Gachev G.D. *Images of the deity in culture: National variants*. Moscow: Academic Project; Culture: 2016:891 (in Russian).

10. Tao Tao Liu. *Chinese Myths from the Monkey King and the Jade Emperor to Celestial Dragons and Elemental Spirits*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2024:224 (in Russian).

11. Sala R., Kartayeva T. The image and cult of a camel in the life of the Kazakhs. *Journal of History*. 2018;90(3):30-41 (in Russian) doi.org/10.26577/JH-2018-3-261

12. Gerasimov I.V. The image of the camel in the Mongolian and Arabic literary traditions. In: *Mongolica-IX: Collection of articles*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2010:109-116 (in Russian).

13. Akishev A.K. The image of the camel in the legends of Central Asia. In: *Ethnography of the peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka; 1984:69-76 (in Russian).

Сведения об авторе

СЫРЫСЕВА Диана Юрьевна – к. филол. н., старший научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-7956-4738>, SPIN: 4568-0331, AuthorID: 1139242, e-mail: syryseva97@mail.ru

About the author

Diana Yu. SYRYSEVA – Cand. Sci. (Philology), Senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7956-4738>, SPIN: 4568-0331, AuthorID: 1139242, e-mail: syryseva97@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 12.01.26

Поступила после рецензирования / Revised 13.02.26

Принята к публикации / Accepted 23.03.26